

Н. К. Киселева

ORCID: 0000-0003-2002-5195
✉ kiselevanatalia3012@mail.ru

Российский государственный
гуманитарный университет (Россия, Москва)

СОЗДАНИЕ ЛЕГЕНДЫ: ВЗАИМОВЛИЯНИЕ ИСТОРИОГРАФИИ И РОМАНСНОЙ ТРАДИЦИИ В СЮЖЕТЕ О ПОСЛЕДНЕМ ВЕСТГОТСКОМ КОРОЛЕ Родриго

Аннотация. Испанские эпические легенды и предания, зародившиеся в древности в устной среде, дошли до нас в разнообразных письменных формах: от историографии (прозаических хроник) и больших эпических поэм до малых фольклорных лироэпических жанров, таких как испанский «старый» романс (*romancero viejo*). Вопрос о генезисе, способе сложения и распространении таких сюжетов до сих пор не теряет своей актуальности, что в первую очередь связано с проблемой стадийного или параллельного зарождения памятников. В статье предпринята реконструкция истории формирования древнего испанского сюжета о последнем вестготском короле Родриго в латинской и старокастильской историографии, в том числе в «Истории Испании» Альфонсо X Мудрого; реконструированный сюжет сопоставлен с эпическим романсом о последней битве Родриго с маврами и потере Испании. Сложившийся в XIV–XVI вв. цикл романсов насчитывает несколько отдельных сюжетов о Родриго, и наибольший интерес здесь представляет вопрос о том, какой из сюжетов является ключевым в цикле и восходит к эпическому тексту, сформировавшемуся в устной среде. С одной стороны, проведенный в статье анализ показывает, как живет и развивается сюжет в традиции и какие изменения претерпевает; с другой стороны, сопоставление реконструированного сюжета хроника с текстом романса позволяет попробовать выявить первоначальный текст, который лежит в основе сформировавшегося цикла, и доказать параллельное развитие сюжетов в романсах и хрониках.

Ключевые слова: хроника, «старый» романс, «История Испании», Альфонсо X Мудрый, вестготский король Родриго

Для цитирования: Киселева Н. К. Создание легенды: взаимовлияние историографии и романсной традиции в сюжете о последнем вестготском короле Родриго // Шаги/Steps. Т. 8. № 2. 2022. С. 30–45. <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2022-8-2-30-45>.

Статья поступила в редакцию 20 января 2021 г.
Принято к печати 22 февраля 2022 г.

Shagi / Steps. Vol. 8. No. 2. 2022
Articles

N. K. Kiselyova

ORCID: 0000-0003-2002-5195

✉ kiselevanatalia3012@mail.ru

Russian State University for the Humanities
(Russia, Moscow)

CREATION OF A LEGEND: THE INTERINFLUENCE OF HISTORIOGRAPHY AND ROMANCE TRADITION IN THE PLOT ABOUT THE LAST VISIGOTHIC KING RODRIGO

Abstract. Spanish epic legends, which originated in ancient times in the oral tradition, have come down to us in various written forms — from historiography (prose chronicles) and major epic poems to small folklore lyric-epic genres, such as the Spanish “old” romance (*romancero viejo*). The question of the genesis, the method of composition and distribution of such plots is one of the most important now. First of all, it’s connected with the problem of stadial or parallel origin of the texts. The article is devoted to the reconstruction of the ancient Spanish plot about Rodrigo, the last king of the Visigoths, in Latin and Old Castilian historiography, including in the “History of Spain” by Alfonso X the Wise. In addition, the reconstructed plot is compared with the folk epic romance about Rodrigo’s last battle with the Moors and the loss of Spain. The cycle of romances formed in the 14th–16th centuries has several separate plots about Rodrigo. The most interesting question here is which of the plots is the principal one in the cycle and goes back to the authentic folk epic text formed in the oral environment. The analysis undertaken in this article allows us to show, on the one hand, how the plot lives and develops in the tradition and what changes it suffers. On the other hand, comparing the reconstructed plot in the chronicle with the text of the romance allows us to try to identify the original text that is the

foundation of the cycle and try to prove the parallel development of plots in romances and chronicles.

Keywords: chronicle, “old” romance, “History of Spain”, Alfonso X the Wise, Rodrigo, king of the Visigoths

To cite this article: Kiselyova, N. K. (2022). Creation of a legend: The interinfluence of historiography and romance tradition in the plot about the last Visigothic king Rodrigo. *Shagi / Steps*, 8(2), 30–45. (In Russian). <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2022-8-2-30-45>.

Received January 20, 2021

Accepted February 22, 2022

Древнее предание о последнем вестготском короле Родриго начинает складываться в письменных хроникальных источниках в IX в. и продолжает свои оформление и развитие вплоть до Сарацинской хроники (*Crónica Sarracina*) Педро дель Корраля (1430). Общий сюжет предания хорошо известен в испанской традиции: дон Родриго (последний король готов) занимает престол после смерти короля Витицы, который был известен вероломством и порочностью. Согласно легенде, Родриго — сильный и храбрый воин, однако нравом он ничем не отличался от своего предшественника. Правил король три года и погиб в битве с маврами за Испанию в 711 г. Однако в процессе долгой семивековой истории существования легенды в разных источниках, как в письменной традиции (историографии), так и в устной (народных легендах и романах), сюжет постоянно трансформировался и в конечном счете претерпел значительные изменения.

Древнейшим пластом предания, согласно исследованию Х. Менендеса Пидалья, оказывается рассказ в арабских хрониках IX в., где впервые упоминается роковое для судьбы испанских королей и Испании вторжение короля Родриго в запертый «королевский мавзолей» (*Casa de los Reyes*) в Толедо [Menéndez Pidal 1906]. В некоторых версиях «мавзолей» меняется на пещеру (*la cueva*), при этом развитие основного сюжета и трагическая развязка остаются неизменными.

Вот как описывается этот эпизод в одной из самых ранних хроник Абена Хабиба (IX в.):

Муса, завоевав Аль-Андалус, стал продвигаться дальше пока не дошел до Толедо, где находился Двор. Увидел он там дом, называемый Домом Королей, открыл его и нашел там двадцать пять корон, украшенных жемчугами и рубинами. Было там столько же корон, сколько королей в Андалусе — каждый раз, когда умирал король, устанавливали его корону в этом доме (...). Рядом с домом, где были обнаружены короны, стоял другой, на котором было двадцать пять замков, потому что каждый новый монарх вешал на дом замок, как поступали его предшественники, до тех пор, пока трон не занял Родриго, во время правления, которого был завоеван Андалус. За несколько дней до завоевания Родриго сказал: «Господи! Не погибну я из-за этого дома,

должен я непременно открыть, чтобы узнать, что хранится внутри». Собрались христиане, священники и епископы, и сказали ему: «Зачем ты хочешь открыть этот дом? Что предполагаешь найти там? Возьми это лучше у нас, только не делай того, что не делал никто из твоих предшественников, разумных людей, умеющих вести дела». Однако Родриго, толкаемый злою судьбой, не хотел ничего другого, кроме как открыть дом (...) И нашли в том доме письмо, в котором говорилось: «Когда откроют эту дверь и войдут сюда, люди, чьи фигуры здесь избражены, вторгнутся в эту страну, овладеют ею и победят». В тот же год в страну пришли мусульмане¹ [Возякова 2014: 57].

Ключевой для арабской версии рассказа мотив нарушения запрета, который, как видно из приведенной выше цитаты, выражен прямым предупреждением короля о том, что не следует вторгаться в запертый на замки Дом королей, полностью исчезнет в основной массе латинских хроник XII–XIII в. и появится вновь только в латинской (впоследствии романизированной) хронике 1243 г. «О делах испанских» архиепископа Толедского Родриго Хименеса де Рада.

Вместе с тем наряду с историографией в XV в., как считается, начинает оформляться корпус испанских «старых» традиционных эпических романсов о последнем короле готлов Родриго и потере Испании. Цикл включает в себя отдельные романсы, сюжеты которых соотносятся с ключевыми фрагментами легенды. Всего насчитывается восемь сюжетов: от вторжения Родриго в дом Геркулеса до потери им королевства и гибели из-за соблазна Кавы, дочери графа Хулиана. Развитие и эволюция данного цикла вызывает множество вопросов, начиная от проблемы генезиса сюжетов и определения основных источников сложившихся текстов, заканчивая вопросом о том, какие сюжеты принадлежат подлинной народной эпической традиции, а какие оформились под влиянием традиций книжной и литературной.

Испанский романс, как отмечают исследователи [Armistead 1981; 2010; Díaz-Más 2010; Di Stefano 2010; Menéndez Pidal, Catalán 1957], в процессе своего развития был весьма подвержен новеллизации, которая, с одной стороны, заключалась в распространении любовных сюжетов в эпическом корпусе (первые эпико-героические романсы не предполагали развитие разного

¹ Muza, cuando conquistó el Andalus, fué en su excursión apoderándose, hasta que llegó á Toledo, que era la Corte. Vio allí una casa llamada “Casa de los Reyes”, la abrió y encontró en ella veinticinco coronas adornadas con perlas y jacintos, tantas como habían sido los reyes del Andalus; pues siempre que moría de entre ellos un rey, se ponía su corona en esta casa (...) Al lado de esta casa en que se encontraron las coronas, estaba otra, en la cual había veiticinco candados, porque siempre que entraba a reinar un monarca ponía en ella un candado, como lo habían hecho sus antecesores, hasta que llegó a ocupar el trono Rodrigo, en cuyo tiempo conquistada el Andalus. Pocos días antes de la conquista, dijo Rodrigo: — “¡Por Aláh! No moriré con el disgusto de esta casa, y sin remedio he de abrirla, para saber qué hay dentro de ella”. Reuniéronse los cristianos, los sacerdotes y los obispos, y le dijeron: “¿Qué pretendes con abrir esta casa? Mira lo que presumes que hay en ella, y eso tómalo de nosotros; pero no hagas lo que no ha hecho ninguno de tus antecesores, que era gente de prudencia y saber al obrar como lo hicieron”. Mas Rodrigo no se conformó sino con abrirla, impulsado por el destino fatal (...) Hallaron también en la casa un escrito que decía: “Cuando sea abierta esta casa y se entre en ella, gentes cuya figura y aspecto sea como los que aquí están representados, invadirán este país, se apoderarán de él y lo vencerán”. Y fué la entrada de los musulimes en este mismo año [Menéndez Pidal 1906: 12].

рода любовных линий, а ключевым событием являлось деяние героя). С другой стороны, вместе с процессом новеллизации в повествования эпического типа стал включаться фольклорный материал. В рассматриваемых нами сюжетах очевидно новеллизированными, по всей видимости, являются романсы о встрече Кавы и Родриго у родника (фольклорный мотив встречи у родника), письмо-жалоба Кавы на бесчестье и романс о покаянии Родриго, восходящий к житийной тематике.

Еще Р. Менендес Пидаль выдвинул предположение, что цикл романсов о Родриго был сложен хугларами под влиянием текста Сарацинской хроники 1430 г. Педро дель Корраля. Известно, что источником хроники П. дель Корраля была кастильская хроника 1344 г., в которой впервые подробно освещен эпизод бесчестья дочери графа Хулиана и жалобы девушки на поруганную честь. Кроме того, исследователь отмечает, что хроника Корраля была чрезвычайно популярна и хорошо известна в народной среде во второй половине XV в. [Возякова 2014: 63; Menéndez Pidal, Catalán 1957: 12]. В испанской научной традиции и отчасти за пределами Испании предположение Менендеса Пидалья было встречено весьма положительно и получило развитие в работах других исследователей. Здесь мы можем отметить исследования С. дель Баррио о Сарацинской хронике [Sánchez del Barrio 1991] и Дж. Д. Фоджельквиста об образе дочери графа Хулиана и его эволюции в тексте П. дель Корраля [Fogelquist 2007]. Однако в настоящее время существует и альтернативная точка зрения, которая представляется нам убедительной. Так, британский исследователь Р. Райт выдвигает предположение, опровергающее теорию о стадияльном происхождении хроник и романсов. По его мнению, и историографические письменные источники, и устные романсы могли существовать в традиции параллельно [Wright 2012]. Н. В. Возякова замечает, что «хроники также могли обращаться к устным преданиям, следовательно, обязательное чтение Сарацинской хроники для сложения цикла о Родриго было вовсе необязательно» [Возякова 2014: 63]. Скорее можно предположить обратный процесс, т. е. влияние романсов на хронику 1344 г., а соответственно и на Сарацинскую хронику. Иными словами, письменные и устные источники в эпоху Средневековья находились в постоянном контакте и взаимодействии. Исследовательница настаивает на утверждении, что сюжеты могли возникать и развиваться в письменной и устной традиции одновременно.

В рамках настоящей статьи нашей задачей будет проследить эволюцию сюжета о короле Родриго от латинских и кастильских хроник до народного «старого» романса и выяснить, каким образом складывается сюжет, какие изменения он претерпевает и как хроники и устные романсы влияют на развитие легенды. В конечном счете это позволит попробовать прояснить вопрос о том, какой из сюжетов, вошедших в цикл о короле Родриго, может являться подлинно фольклорным, а не литературным.

Источниками в нашей работе выступают наиболее крупные хроники. Латинский корпус представляют Силосская хроника (*Crónica Silense*, ок. 1110), Нахерская хроника (*Chronica Naierensis*, 1160 (?) или 1180–1190 (?)), «Всемирная хроника» Луки Туйского (*Chronicon Mundi*, 1236) и хроника «О делах испанских» Р. Хименеса де Рада (*De rebus hispaniae*, 1243). Кастильский корпус представляют «Первая всеобщая хроника» Альфонсо X Мудрого («История Испании» 1272) и хроника 1344 г.

Весь сюжет легенды можно разложить на отдельные эпизоды, которые соответствуют определенному набору устойчивых мотивов. В представленной на с. 36 таблице в первой колонке отражены основные сюжетные фрагменты предания о короле Родриго, а в последующих колонках — присутствие или отсутствие того или иного сюжетного элемента в разных хрониках. В целом сюжет предания поделен нами на семь фрагментов (1–7), каждый из которых обозначен с помощью основного сюжетобразующего мотива.

Как можно видеть из таблицы, во всех версиях сюжета неизменным остается мотив 4, который содержится в эпизоде о соблазнении девушки, остальные элементы сюжета варьируются. Однако отметим, что в целом общая сюжетная канва держится на элементах 1, 2, 4, 5, 6, 7, а все остальное создает сюжетную вариативность. При этом наиболее значительную трансформацию сюжет претерпевает в XIII в., в тексте архиепископа Толедского «О делах испанских», где появляются дополнительные мотивы, с одной стороны, значительно расширяющие повествование, а с другой — усложняющие сюжетную семантику и возвращающие в предание о последнем готском короле легендарно-мифологический смысл.

В первую очередь рассмотрим первые три латинские хроники (Силосскую, Нахерскую и Всемирную).

Фрагмент 1. Все три текста начинаются с мотива королевской вины. Король Родриго обвиняется в том, что он ничем не отличается от Витицы: «...в жизни и обычаях он был похож на Витицу»². Напомним, что предшествующий король готов Витица был весьма плохим правителем и отличался крайней порочностью, бесчестьем и вероломством. При этом уже в этом фрагменте его характеристика как «плохого короля» противопоставляется определению Родриго как «сильного воина»: «Родриго был воинственным мужчиной»³.

Фрагмент 2: мотив мести. Родриго мстит за изгнание и ослепление своего отца сыновьям Витицы. Тем самым король пытается восстановить честь семьи (рода): «Чтобы отомстить за оскорбление своего отца, он [Родриго] изгнал двоих сыновей Витицы из Испании и изгнал их из отцовского королевства с великим бесчестьем»⁴.

Фрагмент 3 также построен на мотиве мести, только в данном случае уже сыновья Витицы планируют отомстить за свое бесчестье (в эпической традиции, как правило, изгнание приравнивается к потере чести): «...и, страдая из-за полученных оскорблений, они решили, что введут мавров [в Испанию] и король всей Испании потеряет ее»⁵. В этом же фрагменте упоминается, что сыновья Витицы сговорились с графом Хулианом.

Фрагмент 4: мотив соблазнения и мотив вины. Рассказывается о том, как король Родриго соблазняет дочь графа Хулиана: «Граф Хулиан был в ярости из-за соблазнения его дочери, которую Родриго забрал, не для того, чтобы она стала его женой, а потому что она была красива, в качестве наложницы»⁶.

² sed vita et moribus Vitice non dissimilis [Crónica Silense 1959: 127].

³ Vir [Rodrigo] bellator fuit [Crónica Naierensis 1995: 95].

⁴ Iniuriam patris vlcisci festinans, duos filios Vitice ab Yspannis remouit, ac summo cum dedecore eosdem patrio regno pepulit... [Crónica Silense 1959: 127].

⁵ ...adheserunt, ibique de illatis costumeliis ingemiscentes, mauros introducendo, et sibi et toius Ispanie regno perditum iri disposuerunt [Crónica Silense 1959: 127].

⁶ Preterea furor uiolate filie ad hoc facinus peragendum Iulianum incitabat, quam Rodericus rex non pro uxore, sed eo quod sibi pulcra pro concubina uidebatur, eidem calide subriperat [Crónica Silense 1959: 127].

Сюжетные фрагменты	Силосская хроника (Crónica Silense) ок. 1110	Нахерская хроника (Crónica Naierensis) 1180–1190 (?)	Всемирная хроника (Chronicon Mundi) 1236	Хроника о делах испанских (De rebus hispaniae) 1243	История Испании (Primera Crónica general)	Хроника 1344 (Crónica 1344)
1. Мотив вины готских королей	+	+	+	+	+	-
2. Мотив мести (мстит Родриго)	+	+	+	+	+	-
2.1. Мотив нарушения запрета	-	-	-	+	+	+
3. Мотив мести (мстят сыновья Витицы)	+	+	+	-	-	-
4. Мотив соблазнения и мотив вины	+	+	+	+	+	+
4.1. Мотив предательства (граф Хулиан)	-	-	+	+	+	+
4.2. Мотив жалобы (дочь графа Хулиана пишет письмо отцу)	-	-	-	-	-	+
5. Мотив последней битвы	+	-	+	+	+	+
6. Мотив вины королей	+	+	+	-	-	-
6.1. Мотив вины графа Хулиана	-	-	+	+	-	-
7. Эпитафия на могиле Родриго	-	+	+	+	+	Легенда о смерти короля

Фрагмент 5, построенный на мотиве последней битвы, — ключевой во всем сюжете. Его важной частью является последняя битва испанцев и мавров, где король Родриго предстает эпическим героем, отважным воином, сражающимся за свое королевство и погибающим в этом сражении: «Родриго вступил в первую битву яростный и невозмутимый и сражался неустанно семь дней подряд <...> и умер, сражаясь»⁷. Отметим, что данный эпизод отсутствует только в Нахерской хронике.

Фрагмент 6. Здесь снова появляется мотив королевской вины. Королей обвиняют в гибели готов и Испании: «Рука Бога покинула Испанию из-за злобы ее королей, чтобы не защищать ее во время разорения»⁸.

Во **фрагменте 7**, начиная с Нахерской хроники, сообщается о том, что Родриго покоится в могиле в городе Визеу⁹.

Несмотря на то что новеллистический эпизод о соблазнении девушки представлен во всех трех текстах, он в данном случае не является центральным и основным. Соблазнение упоминается всего в одной фразе и не получает дальнейшего продолжения в хроникальном сюжете. Ключевым же для сюжета о гибели короля и Испании является мотив королевской вины, который возникает как в зачине повествования, так и в его финале. Бесчестье, злоба и порочность последних готских королей привела к тому, что «рука Бога» (*manus Domini*) «отворачивается» от всего готского народа, что приводит к гибели королевства. Вина Родриго в данном случае заключается не столько в соблазнении девушки, сколько в том, что манера правления нового короля ничем не отличается от его предшественника. Вероломством готского короля объясняется и изгнание сыновей Витицы, которые после этого задумывают погубить Родриго. При этом отметим, что в ключевом эпизоде с битвой Родриго предстает как истинный эпический герой, сильный воин, до конца отстаивающий честь и судьбу своего королевства, что несколько смягчает вину и оправдывает его, придавая отчетливый героический статус.

Как можно заметить, в первых двух хрониках XII в. практически не наблюдается разночтений, однако во «Всемирной хронике» XIII в., хронологически предшествующей тексту архиепископа Толедского, содержится дополнительный эпизод о том, как граф Хулиан задумал отомстить королю (фрагмент 4.1). Во-первых, здесь появляются новые характеристики графа — «хитрый» (*artero*) и мудрый (*sabio*), а во-вторых, отдельно подчеркивается намерение самого Хулиана обмануть короля, что важно для последующей эволюции сюжета: «Был этот Хулиан человеком хитрым и мудрым, он также был другом Родриго и хитро посоветовал ему отправить коней и оружие в Галлию и Африку...»¹⁰. Таким образом, к моменту появления хроники Родриго Хименеса де Рада в 1243 г. весь сюжет приобретает законченный вид; именно он и будет переработан сначала архиепископом Толедским, а затем и Альфонсо X Мудрым

⁷ Rodericus acer et inperterritus primo subiit pugne; adeo quod per septem continuos dies infatigabiliter dimicans <...> per aliquot dies paulatim terga prebens pugnando ocubuit [Crónica Silense 1959: 128–129].

⁸ Receserat enim manus Domini ob inueteratam regum militiam ab Ispania, ni en tempore huius ruine eam protegeret, omnesque deinceps... [Crónica Silense 1959: 129].

⁹ Hic requiescat Rudericus, ultimus rex Gotorum [Chronica Naierensis 1995: 96].

¹⁰ Erat hic Iulianus uir sagax et astutus <...> finxit etiam se esse amicus regi Roderico, et callide consulit ut equos et arma ad Gallias mitteret et ad Africam [Chronicon Mundi 2003: 220].

в его «Истории Испании». Рассмотрим теперь схему сюжета о короле Родриго в хрониках «О делах Испанских», «История Испании», для которой важнейшим источником стал текст толедского архиепископа, а также в хронике 1344 г., во многом опирающейся на хронику Мудрого Короля. Фрагменты 1 и 2 остаются неизменными. В первых двух текстах сохраняется и мотив королевской вины, и мотив мести Родриго. А в хронике 1344 г. последний мотив уходит, а сходство Родриго с Витицей подчеркивается: «...этот король Родриго был сильным в битвах и способным в делах, но поведением очень уж походил на Витицу. В начале своего правления он оскорбил и подверг позору сыновей Витицы, Сисеберта и Эбу, и изгнал их из страны»¹¹.

Для нашего анализа особый интерес представляет все то, что происходит с сюжетом дальше. Поскольку хроника Родриго Толедского являлась основным источником для «Истории Испании» Мудрого Короля, то существенных различий в текстах не наблюдается. Во фрагменте 2.1 появляется мотив нарушения запрета. Родриго входит в запертый замок в Толедо: «...когда эти замки будут взломаны, и дворец и комната открыты, и будет увидено изображенное, случится так, что придут в Испанию люди такие, как нарисованы на этой стене, завоюют ее и станут здесь сеньорами»¹². Нарушение героем запрета одновременно связано с мотивом рокового предзнаменования, которое получает король. Этот героический мотив в то же время отсылает к фольклорно-сказочной составляющей легенды, которая, как уже было сказано, впервые была описана в арабских источниках. Кроме того, в хронике меняются реалии описания: если в арабских источниках это был «дом» (*casa*), то в хронике Родриго Толедского и «Истории Испании» Альфонсо «дом» меняется на замок (*palacio*), что добавляет сказочности в достаточно лаконичное повествование.

Спустя семьдесят лет в хронике 1344 г. «дворец» уступит место «дому Геркулеса», отсылая к мифологической и легендарной истории о Геркулесе и его деяниях на территории Испании. Вариант рассказа о вторжении короля Родриго в дом Геркулеса появляется также в старой хронике Ахмеда ар-Раси, более известной под названием «Хроника мавра Расиса», которая сохранилась только в рукописи XIV в.:

И затем, когда ворота уже были открыты, вошел [Родриго] внутрь и обнаружил дворец такой сказочной красоты, что человеку не описать... и была там очень маленькая дверь тончайшей работы, а на ней большие строки: «Геркулес построил этот дом о времена Адама в 4006 г.». Этот дом — одно из чудес Геркулеса. И был там замок из дорогого

¹¹ Este rey Rodrigo era muy fuert omne en batallas et muy desembargado en las faziendas, mas de mannas semeiauase bien con Vitiza. En el comengamiento de su regnado denosto et desonrrro mal dos fijos de Vitiza: Siseberto et Eba, et echo los de tierra [Primera crónica general 1906: 307].

¹² En la cibdad de Toledo auie estonces palacio que estidiera siempre cerrado de tiempo ya de muchos reys, et tenie muchas cerraduras (...). E el rey mando la abrir, et non fallaron en ella sinon un panno en que estauan escriptas letras ladinas que dizien assi: que quando aquellas cerraduras fuessen crebantadas et ell arca et el palacio fuessen abier lo que y yazie fuesse uisto, que yentes de tal manera como en aquel panno esta uan pintadas que entrañen en Espanna et la conqueririen et serien ende sennores [Primera crónica general 1906: 307].

жемчуга, а на замке греческие буквы: «Король, который откроет эту нишу, увидит чудеса перед своей смертью». И этот Геркулес, греческий господин, знал то, что должно случиться¹³ [Возякова 2014: 59].

Возможно, этот фрагмент был отредактирован как раз под влиянием текста хроники 1344 г., поскольку значимым сюжетом о Геркулесе является именно для Испании, а не для арабских халифатов. Как отмечает И. В. Ершова, «статус Геркулеса, как одного из основателей Испании и прародителя первого королевского рода, начал оформляться в латинской хронике Р. Хименеса де Рада, а окончательно сложился в “историях”, составленных по инициативе и под началом короля Альфонсо X. Первая из них — “История Испании” (1272 г.), вторая — “Великая и всеобщая история” (1284)» [Ершова 2017: 232]. При этом отметим, что окончательное закрепление в традиции варианта о вторжении готского короля Родриго в «дом Геркулеса» в Толедо произойдет только в тексте кастильской хроники 1344 г. Затем этот вариант уйдет в фольклорную среду и сохранится в сюжетах испанских романсов. И если в хронике «О делах испанских» Родриго Толедского сюжет о Геркулесе трактуется как исторический, то в хронике 1344 г. он обретает все более легендарный характер.

Дальнейшая сюжетная трансформация связана с эпизодом о соблазнении девушки (фрагмент 4). Согласно тексту «Истории Испании» Родриго соблазняет то ли дочь, то ли жену графа Хулиана. При этом именно соблазнение является причиной гибели Испании¹⁴.

Во фрагменте 4.1 появляется мотив мести за бесчестье. Граф Хулиан задумывает отомстить королю за соблазнение его дочери или жены. С этого момента расширяется описание вторжения в Испанию, значительно увеличиваются и детализируются описание битвы и обстоятельства заговора Хулиана против Родриго.

Фрагмент 5, построенный на мотиве последней битвы, остается неизменным с точки зрения ее итогового разрешения. В «Истории Испании» битве посвящены три главы, в которых повествуется о том, как мавры трижды вторгались в Испанию. Во время третьего решающего вторжения погибает король. Однако здесь появляются дополнительные детали. Во-первых, увеличивается описание сражения, а во-вторых, добавлено описание самого короля, выезжающего на битву «в золотой короне и одежде из тяжелой ткани»¹⁵. Детальное описание становится важным и в следующем эпизоде (фрагмент 5.1). Судьба Родриго, как сообщают Родриго Толедский и Альфонсо Мудрый, по-

¹³ E después que fue abierta entró [Rodrigo] e fallaron un palacio en quadra tanto de una parte como de la otra, tan maravilloso que non ha ombre que lo pudiese dezir... e avía hy en él una puerta muy sotilmente fecha e asaz pequeña, e enzima della letras gruesas que dezian en esta guise: “Quando Hercoles fizo esta caza anvada la era de Adam en quarto mil e seis años”. “Esta casa es una de las maravillas de Ercoles”. «...» E avía en él letras griegas que dezian: “rrey en su tiempo esta arca fuere avierta non puede ser que non vera mrvillas ante que muera”. E ese Ercoles, el señor de Grecia, supo alguna cosa de lo que avía de venir [Crónica del Moro Rasis 1974: 19].

¹⁴ El rey Rodrigo acá la fija por fuerça, et yogol con ella Algunos dizen que fue la muger et que ge la forço. Desto se leuanto destroymiento de Espanna et de la Gallia Gothica [Primera crónica general 1906: 307].

¹⁵ ...el rey Rodrigo andadua con su corona doro en la cabeça... [Primera crónica general 1906: 309].

прежнему неизвестна. Но на берегу реки Гвадалете, где проходило сражение, были найдены и корона, и королевская одежда, и королевский конь Орелья¹⁶.

В заключительном эпизоде (фрагмент 6.1) снова появляется мотив вины. Однако теперь вся вина за гибель Испании лежит на графе Хулиане, который обвиняется в чрезмерной жестокости:

Да будет проклята кровь предателя Юлиана, которая слишком упряма! Да будет проклят его гнев, который был жесток и злобен, поскольку граф стал глупцом в своем бешенстве, обозленным в ненависти, скороспелым в безумии, забывшим о верности, пошедшим против закона, презревшим Бога, жестоким по отношению к самому себе, убийцей сеньора, врагом собственному дому, разорителем собственной земли, виновным, коварным предателем всех своих!¹⁷ [История Испании 2021: 345].

Иными словами, именно граф в большей степени несет ответственность за разрушенную Испанию. А вину Родриго снова оправдывают героические храбрость и доблесть, проявленные им в бою за свое королевство.

Надо сказать, что с каждой новой хроникой сюжет подвергается все большей новеллизации, в частности, усиливается акцент на роли в трагических событиях бесчестья, нанесенного дочери графа Хулиана. Так, и в хронике «О делах испанских», и в «Истории Испании», и в хронике 1344 г. вина за гибель королевства лежит на Родриго, который сначала вторгся в запертый замок, а затем соблазнил девушку, на которой до этого обещал жениться¹⁸. То есть по сути, не считая начального эпизода с мотивом королевской вины, запрет был нарушен дважды. Бесчестие девушки также приравнивается к нарушению запрета: король дает ложное обещание о свадьбе и нарушает закон. В то время как в латинских хрониках ключевым в судьбе короля и Испании оставался лишь мотив королевской вины, в хронике Родриго Толедского говорится, что именно соблазнение становится роковым событием: «Это [соблазнение] стало причиной гибели Испании и Готской Галлии»¹⁹. В хронике 1344 г., видимо под влиянием романской традиции, разрастается и история Родриго и соблазненной девушки. Она впервые названа по имени — Таба (*Taba*), позже в хронике Коррала ее назовут Кава (*Cava*), что в арабской традиции трактуется как «плохая женщина» (*mala mujer*) [Fogelquist 2007; 10, 15], следовательно, в этом случае вина за деяние лежит не только на самом герое. Отметим, что дополнительный эпизод с письмом Кавы, в котором она

¹⁶ ...non sabe omne que fue de fecho del rey Rodrigo en este medio; pero la corona et los uestidos et la nobleza real de los çapatos de oro et de piedras preciosas et el su cuallo a que dizien Orella fueron fallados en un tremedal cabo del rio Guadalete... [Primera crónica general 1906: 310].

¹⁷ Maldita sea la sanna del traydor Julian, ca mucho fue perseuerada; maldita sea la su yra, ca mucho fue dura et mala, ca sandio fue el con su rauia et coraioso con su incha, antuuiado con su locura, olvidado de lealdad, desacordado de la ley, despreciador de Dios, cruel en si mismo, matador de su sensor, enemigo de su casa, destroydor de su tierra, culpado et aleuoso et traydor contra todos los suyos; [Primera crónica general 1906: 310].

¹⁸ E ante desto fuera ya fablado que auie el de casar con ella, mas non casara aun [Primera crónica general 1906: 307–308].

¹⁹ Set utrumlibet fuerit, Gallie Gothice et Hispanie exicialis excidii causa fuit [De rebus hispanie 1987: 100].

жалуется отцу на свое бесчестье и который существует в «старом» романсе как отдельный эпизод, появляется только в хронике 1344 г., до этого момента Хулиан узнает о деянии Родриго со слов девушки: «...так как она сама ему все рассказала»²⁰. Кроме того, меняются обстоятельства смерти короля: он не гибнет, как подобает эпическому герою, в битве. В хронике 1344 г. сообщается, что Родриго мог погибнуть в море или умереть в горах, или его могли съест дикие звери²¹. Подобный финал эпического повествования, скорее всего, является плодом вымысла и может восходить к жителям (в которых часто встречаются эпизоды пожирания героя змеем) или к фольклору.

Обобщая все сказанное, можно выстроить некоторую классификацию значимых эпизодов во всех хрониках:

- неизменным во всех текстах остается мотив вины — последних готских королей и вины Родриго в соблазнении девушки;
- общим является мотив мести за поруганную честь, который в процессе эволюции сюжета переходит от Родриго и сыновей Витицы к графу Хулиану и определяет его единоличную вину за гибель Испании;
- общей является двойственная характеристика Родриго: с одной стороны, он плохой правитель, нарушающий запрет (соблазнение / вторжение в дом или замок); с другой — хороший воин, сражающийся за свое королевство.

Все перечисленные общие мотивы — вины, нарушения запрета, мести, героической битвы — встраиваются в эпическую повествовательную модель, где ключевым эпизодом становится вовсе не соблазнение девушки, а битва за Испанию, описание которой разрастается с каждым последующим текстом. Именно эпическая битва с маврами, с одной стороны, встраивает Родриго-короля в систему эпических персонажей и превращает его в героя-воина, с другой — определяет вину графа Хулиана как эпического предателя; гибель Родриго в битве оправдывает и смягчает его вину в нарушении запрета. В то же время в системе эпических мотивов соблазнение Кавы, которое согласно легенде является нарушением запрета, становится необходимым поводом к реализации главного эпического деяния короля — гибели за преданную Испанию.

Возвращаясь к вопросу о природе цикла романсов о последнем готском короле Родриго, еще раз отметим, что весь цикл принято относить к эпическому корпусу. Это связано как с перечисленными общими эпическими мотивами, так и с образом самого Родриго, который, как мы выяснили, остается неизменным на протяжении всей истории существования легенды, несмотря на то что сам сюжет подвергается существенным изменениям под влиянием разных традиций. Вероятно, ядром цикла следует считать романс о проигранной битве и потере Испании, повествующий о ключевом историческом событии легенды (романс «Поражение Родриго» — «La derrota de Rodrigo»). В одном из эпизодов романса описывается, как войска Родриго проиграла битву маврам: «Воины дон Родриго теряли мужество и бежали, когда в восьмом сражении их враги победили <...> Родриго покидает свои земли...»²².

²⁰ Ca ella misma se ge lo describio [Primera crónica general 1906: 308].

²¹ E otros dizen que morierae en el mar. E otros dixeron que moriera fuyendon a las montañas, e que lo comieran bestias fieras [Crónica de 1344 1970: 134].

²² Las huestes de don Rodrigo / desmayaban y huían, / cuando en la octava batalla / sus enemigos vencían. Rodrigo deja sus tiendas... [Di Stefano 2010: 350].

Во-первых, описание проигранного сражения построено по эпическому принципу. Поражение происходит в восьмой по счету битве («en la octava batalla sus enemigos vencían»), что в данном случае гиперболизировано подчеркивает первоначальную силу короля и его войска (в «Истории Испании» сказано, что мавры вторгались в Испанию трижды). Во-вторых, проигранная битва вынуждает короля покинуть свое королевство в одиночестве: «...из королевства уезжает. Один он [Родриго] идет несчастный»²³. Одиночество героя после проигранной битвы — частый эпический мотив (ср. князь Игорь в «Слове о полку Игореве»). Весь романс построен на антитезе былого величия и нынешних горестей. Традиционный атрибут эпического героя-воина — меч, который в эпической традиции, как правило, придает герою статус непобедимого воина, в данном случае оказался поврежден в битве: «Оружие его все измято, там где раньше было в драгоценных камнях. Меч сломан от ударов, которые он получил»²⁴. Все, что происходит с дальнейшим формированием цикла, вероятно связано с влиянием других традиций. Так, очевидно, новеллизирован и даже отчасти литературен²⁵ эпизод с соблазнением Кавы, который, как мы увидели, достраивается и расширяется уже в хроникальных источниках, возводя изначально периферийный эпизод в разряд ключевых.

Краткая хроникальная история о гибели Испании в латинских хрониках начинает полностью переворачиваться в хронике Родриго Толедского XIII в., который включает в повествование мифологический и сказочный материал. «История Испании» Альфонсо X Мудрого, опирающаяся на текст архиепископа Толедского, также сохраняет мифологический и фольклорный пласт. В последних двух упомянутых хрониках появляется фольклорный мотив плача или в с е о б щ е й с к о р б и, которому также будет посвящен один из романсов. Дальнейшая эволюция легенды в хронике 1344 г. связана с развитием фольклорного мотива женской жалобы и с введением финального эпизода гибели героя в контекст житийной тематики, которые очевидно проникают в хроникальное повествование под влиянием романсной традиции. В сюжете романа «Покаяние Родриго» (Penitencia de don Rodrigo), который построен на основе житийного мотива покаяния, ведущего отшельнический образ жизни Родриго пожирает змей²⁶, что, по мнению героя, может искупить его вину в соблазнении девушки и потере королевства.

Таким образом, проведенная реконструкция эволюции сюжета легенды и выявленные сюжетные сходства и различия в хрониках и романах позволяют нам согласиться с мнением Р. Райта о том, что устные романсы и письменные хроники могли возникать и развиваться параллельно. Благодаря тесному взаимодействию устной и письменной традиций сюжеты вбирают в себя черты разных жанровых форм. Анализ сюжета о последнем готском

²³ ...y del real se salía; / solo va el desventurado, / que no lleva compañía [Di Stefano 2010: 350].

²⁴ Las armas lleva abolladas, / que eran de gran pedrería/ la espada va hecha sierra, de los golpes que tenía [Di Stefano 2010: 350].

²⁵ В более поздних романсных версиях виновная в гибели Испании Кава сравнивается с Еленой, которую, согласно легенде, обвиняли в падении Трои.

²⁶ Этот эпизод близок мотиву пожирания людей животными, часто встречающемуся, например, в житиях из «Золотой легенды» Иакова Ворагинского.

короле в разных источниках позволил как показать влияние на письменный сюжет его устного варианта, так и предположить, что ядром устного варианта легенды стало сказание о последней битве, приобретающее в хрониках все более эпический вид.

Источники

- История Испании 2021 — *Альфонсо X Мудрый и сотрудники*. История Испании, которую составил благороднейший король дон Альфонсо, сын благороднейшего короля донна Фернандо и королевы донья Беатрис. Т. 2 / Под общ. ред. О. В. Аурова, И. В. Ершовой, Н. А. Пастушковой. СПб.: Наука, 2021.
- Chronica Naierensis 1995 — *Chronica Naierensis* / Ed. J. A. Estévez Sola. Turnhout: Brepols, 1995. (Corpus Cristianorum. Continuatio Mediaevalis. Chronica Hispana Saeculi Pars; 2).
- Chronicon Mundi 2003 — *Lucae Tudensis Chronicon Mundi // Lucae Tudensis Opera Omnia*. Т. 1 / Ed. E. Falque. Turnhout: Brepols, 2003. (Corpus Christianorum. Continuatio Mediaevalis; 74). P. 219–222.
- Crónica del Moro Rasis 1974 — *Crónica del Moro Rasis* / Ed. D. Catalán Menéndez-Pidal, Mª Soledad de Andrés. Madrid: Editorial Gredos, 1974.
- Crónica de 1344 1970 — *Crónica de 1344 que ordenó el conde de Barcelos don Pedro Alfonso* / Ed. D. Catalán y M. Soledad de Andrés. Madrid: Editorial Gredos, 1971.
- Di Stefano 2010 — *Di Stefano G*. Romancero. Madrid: Editorial Castalia, S. A., 2010.
- Historiae de rebus Hispaniae sive historia gothica — *Roderici Ximenii de Rada Historiae de rebus Hispaniae sive historia gothica // Opera Omnia Pars I: Corpus Christianorum. Continuatio mediaevalis LXXII* / Ed. J. Fernández Valverde. Turnhout: Brepols, 1987. P. 99–104.
- Historia Silense 1959 — *Historia Silense* / Ed. crítica e introducción de D. Justo Pérez de Urbel y A. González Ruiz-Zorrilla. Madrid: Consejo superior de investigaciones científicas, 1959.
- Primera crónica general 1906 — *Primera crónica general*. Estoria de España que mandó componer el Rey don Alfonso el Sabio e se continuaba bajo Sancho IV en 1289. Vol. 1 / Publ. R. Menéndez Pidal. Madrid: Bailly-Bailliere e hijos, editores, 1906.

Литература

- Возякова 2014 — *Возякова Н. В.* Испанский традиционный романс: от фольклорной традиции до блокнота собирателя. М.: РГГУ, 2014.
- Ершова 2017 — *Ершова И. В.* «О трех Геркулесах, существовавших в этом мире»: античный герой в средневековых испанских хрониках // Диалог со временем. Вып. 59. 2017. С. 231–245.
- Armistead 1981 — *Armistead G. S.* Epic and ballad: A traditionalist perspective // *Olifant*. 1981. Vol. 8. No. 4. P. 376–388.
- Armistead 2010 — *Armistead G. S.* Epic and ballad in the Hispanic tradition // *A comparative history of literatures in the Iberian Peninsula* / Ed. by F. Cabo Aseguinolaza, C. Dominguez. Vol. 1. Amsterdam: John Benjamins Publishing Co., 2010. P. 502–509.
- Díaz-Más 2010 — *Díaz-Más P.* Comparativism and orality: Critical approaches to the ballads of *La boda estorbada* // *A comparative history of literatures in the Iberian Peninsula* / Ed. by F. Cabo Aseguinolaza, C. Dominguez. Vol. 1. Amsterdam: John Benjamins Publishing Co, 2010. P. 478–501.

- Fogelquist 2007 — *Fogelquist J. D.* Pedro de Corral's reconfiguration of La Cava in the Crónica del Rey don Rodrigo / Univ. of California, Santa Barbara. 2007. (*eHumanista*: Monographs in the Humanities; 3). URL: https://www.ehumanista.ucsb.edu/sites/secure.lsit.ucsb.edu.span.d7_ch/files/sitefiles/publications/monographs/Fogelquist.pdf.
- Menéndez Pidal 1906 — *Menéndez Pidal J.* Leyendas del ultimo rey godo: notas é investigaciones. Madrid: Tip. de la Revista de archivos, bibliotecas y museos, 1906.
- Menéndez Pidal, Catalán 1957 — *Menéndez Pidal R., Catalán D.* Romanceros del Rey don Rodrigo y Bernardo del Carpio // Romancero tradicional de las lenguas Hispánicas. Romanceros del rey Rodrigo y Bernardo del Carpio / Ed. D. Catalán, R. Lapesa, R. Menéndez Pidal. Vol. 1. Madrid: Gredos, 1957. P. 3–13.
- Sánchez del Barrio 1991 — *Sánchez del Barrio A.* Un Nuevo ejemplar de la Crónica Sarracina de Pedro del Corral // Revista de Folklore. Vol. 11b. Num. 131. 1991. P. 147–157.
- Wright 2012 — *Wright R.* Hispanic epic and ballad // Medieval oral literature / Ed. by K. Reichl. Berlin; Boston: De Gruyter, 2012. P. 411–429.

References

- Armistead, G. S. (1981). Epic and ballad: A traditionalist perspective. *Olifant*, 8(4), 376–388.
- Armistead, G. S. (2010). Epic and ballad in the Hispanic tradition. In F. Cabo Aseguinolaza, & C. Dominguez (Eds.). *A comparative history of literatures in the Iberian Peninsula* (pp. 502–509). John Benjamins Publishing Co.
- Díaz-Más, P. (2010). Comparativism and orality. Critical approaches to the ballads of *La boda estorbada*. In F. Cabo Aseguinolaza, & C. Dominguez (Eds.). *A comparative history of literatures in the Iberian Peninsula* (pp. 478–501). John Benjamins Publishing Co.
- Ershova, I. V. (2017). “O trekh Gerkulesakh, sushchestvovavshikh v etom mire”: antichnyi geroi v srednevekovykh ispanskikh khronikakh [About the three Hercules who existed in this world: An ancient hero in medieval Spanish chronicles]. *Dialog so vremenem*, 59, 231–245. (In Russian).
- Fogelquist, J. D. (2007). *Pedro de Corral's reconfiguration of La Cava in the Crónica del Rey don Rodrigo* [*eHumanista*: Monographs in the Humanities; 3; Univ. of California, Santa Barbara]. https://www.ehumanista.ucsb.edu/sites/secure.lsit.ucsb.edu.span.d7_ch/files/sitefiles/publications/monographs/Fogelquist.pdf.
- Menéndez Pidal, J. (1906). *Leyendas del último rey godo: notas é investigaciones*. Tip. de la Revista de archivos, bibliotecas y museos. (In Spanish).
- Menéndez Pidal, R., & Catalán, D. (1957). Romanceros del Rey don Rodrigo y Bernardo del Carpio. In D. Catalán, R. Lapesa, & R. Menéndez Pidal (Ed.). *Romancero tradicional de las lenguas Hispánicas. Romanceros del rey Rodrigo y Bernardo del Carpio* (Vol. 1, pp. 3–13). Gredos. (In Spanish).
- Sánchez del Barrio, A. (1991). Un Nuevo ejemplar de la Crónica Sarracina de Pedro del Corral. *Revista de Folklore*, 11b(131), 147–157. (In Spanish).
- Voziakova, N. V. (2014). *Ispanskii traditsionnyi romans: ot fol'klornoj traditsii do bloknota sobiratelia* [The traditional Spanish romance: From folklore tradition to the collector's notebook]. RGGU. (In Russian).
- Wright, R. (2012). Hispanic epic and ballad. In K. Reichl (Ed.). *Medieval Oral Literature* (pp. 411–429). De Gruyter.

* * *

Информация об авторе

Наталья Кирилловна Киселева

аспирантка, кафедра сравнительной истории литератур, Российский государственный гуманитарный университет
Россия, ГСП-3, 125993, Москва, Миусская пл., д. 6
Тел.: +7 (495) 250-61-15
✉ kiselevanatalia3012@mail.ru

Information about the author

Natalia K. Kiselyova

Postgraduate Student, Comparative Literature Department, Russian State University for the Humanities
Russia, GSP-3, 125993, Moscow, Miusskaya Sq., 6
Tel.: +7 (495) 250-61-15
✉ kiselevanatalia3012@mail.ru